

marginalen und nichtmarginalen ungarisch-ostslawischen Kontakte in der Nachoktoberperiode, die nationale Spezifik der ungarischen Sprache nicht gelitten habe.

Das Werk von A. M. Rot, das das Ergebnis einer langjährigen Forschungsarbeit ist, gibt dem Interessenten reiche Information über die Mannigfaltigkeit und nicht zuletzt die Widersprüchlichkeit, die die Problematik der modernen Interlinguistik mit sich bringt, insbesondere dann, wenn zugleich die diachronische und die synchronische Ebene untersucht wird. Davon zeugt allein schon die im Werk angeführte Bibliographie (über 1370 Positionen). Sie gibt dem Leser auch ein Bild davon, mit welcher Vielfältigkeit von Problemen und speziellen

Fragen der Forscher vertraut sein muß, um eine befriedigende Lösung der gestellten Aufgaben zu erreichen.

Nach einem umfangreichen Namenverzeichnis (S. 515—526) und Wortregister (S. 527—551) wird am Ende des sehr schön herausgegebenen und wertvollen Werkes eine auf 20 Seiten in deutscher Sprache geschriebene Zusammenfassung gegeben, die es dem deutschverstehenden Leser ermöglicht, eine ziemlich volle Vorstellung über Problemkreis, Untersuchungsobjekt, Forschungs- und Analysemethoden der theoretischen Ansätze und der Forschungsergebnisse zu bekommen.

GEORGES MELIKA (Užgorod)

<https://doi.org/10.3176/lu.1975.1.09>

Imre Samu, *A mai magyar nyelvjárások rendszere*, Budapest, Akadémiai Kiadó, 1971. 394 стр.

Институт языкознания Венгерской Академии наук завершил работу над шеститомным венгерским диалектологическим атласом (*A magyar nyelvjárások atlasza. A Nyelvatlasz Munkaközösségének közreműködésével szerkesztette Deme László és Imre Samu, Budapest, I — 1968, II — 1970, III — 1973 (= Nyatl.)*), три его тома (570 карт) уже вышли из печати. Диалектологический материал для *Nyatl.* собирался высококвалифицированными диалектологами в 395 венгерских населенных пунктах, из которых на территории Венгрии находятся 372, Словакии — 26, Румынии — 22, Югославии — 12, УССР — 4 и Австрии — 4. Одним из активных собирателей материала для *Nyatl.*, а затем одним из редакторов атласа стал известный венгерский диалектолог, автор ряда монографий Шаму Имре. Рецензируемый труд Ш. Имре, написанный на основе атласа, представляет исключительный интерес для финно-угроведения и диалектологии вообще, поэтому имеет смысл дать читателю представление о его содержании, круге проблем, разрабатываемых автором, его методе исследования современных венгерских диалектов.

Ш. Имре ставит своей целью как описание фонологических, фонетических и морфологических особенностей современных венгерских говоров с указанием на территориальное членение, так и определение — на основе полученных результа-

тов — наиболее существенных современных диалектных типов с локализацией их ядра. Он отмечает также характерные черты диалектных типов. Так как работа носит «строго описательный характер» (стр. 5), к историческому объяснению языковых фактов Ш. Имре прибегает лишь в исключительных случаях: когда это требуется для полного понимания современного состояния языкового факта.

Материал, которым пользуется Ш. Имре, по своему содержанию, методике, достоверности и времени сбора однороден. Поэтому для сохранения гомогенности, что, на наш взгляд, очень важно, он обращается к показаниям иных (в том числе старых) диалектных материалов исключительно в тех редких случаях, когда рассматриваемое языковое явление нельзя объяснить надлежащим образом на основе данных *Nyatl.*, при необходимости показать определенное явление диахронически.

Поскольку густота сетки исследуемых трансильванских венгерских населенных пунктов в *Nyatl.* чрезмерно редка, «обработка трансильванских венгерских диалектов в этой монографии довольно схематична» (стр. 5). Автор рассчитывает, что этот пробел восполнят венгерские языковеды г. Клуж.

Содержащийся в первой главе «Новейшая венгерская диалектология» (стр. 7—34) краткий критический обзор состоя-

ния и развития венгерской диалектологии от основания журнала *Magyar Nyelv-ér* (1872 г.) до наших дней, сосредотачивает внимание читателя на оценке научной деятельности крупного венгерского диалектолога Б. Чюри и его школы (стр. 10—19), анализе задач, поставленных первым всевенгерским совещанием по изучению народного языка, которое было проведено в Будапеште 14—15 октября 1941 г. (стр. 19—21), на исследованиях венгерских диалектов в период между двумя мировыми войнами (стр. 21—26) и результатах изучения венгерских диалектов после 1945 г. (стр. 27—34).

Этот обзор развития венгерской диалектологии — весьма полезная часть монографии, так как строгая и объективная оценка достижений и нерешенных задач дает Ш. Имре возможность продемонстрировать плодотворность своего метода исследования.

Ш. Имре подробно останавливается на том, что при определении диалектных типов теоретически идеальным был бы способ распространения исследования на все уровни языка, т. е. если бы наравне с фонетическими, морфологическими фактами подробно исследовались лексические и синтаксические отношения. Однако он считает, что практически это вряд ли осуществимо: любая лексическая единица языка, будучи связанной с множеством фонетических или морфологических явлений, требовала бы, в сущности, подобной обработки. К тому же, изоглоссы лексических вариантов, даже если они относятся к тождественному понятийному кругу или одинаковы по происхождению, настолько различны в каждом отдельном слове, а относительная их густота настолько редка и случайна, что на их основе вряд ли возможна типологизация даже в самом широком смысле. Автор добавляет, что наши знания о словарном составе венгерского языка с точки зрения лингвистической географии по сравнению со всем словарным составом и без того не полны. В *Nyatl.*, кроме того, содержится очень немного крестьянской лексики, большая часть которой для лингвистической географии не представляет интереса, так как не имеет лексических вариантов. Мало и региональных атласов. Иной же собранный лексический материал случаен, и на его основе нельзя сделать

даже самые осторожные выводы касательно лингвистической географии. Ш. Имре констатирует далее, что учет синтаксических особенностей сопряжен с большими трудностями. Согласно наблюдениям, венгерские диалекты синтаксически довольно однородны. Детальное раскрытие синтаксических различий в сущности еще и не начато, более того — методика сбора подобного материала не разработана. Автор, ссылаясь на личный опыт, высказывает мнение, что сбор синтаксического материала активным непрямым методом не может привести к желаемому результату. Он резонно полагает, что успех может обеспечить только осуществление магнитофонных записей диалектных текстов в общенациональном масштабе, именно их анализ позволит обнаружить синтаксические различия в венгерских диалектах.

Ш. Имре исходит из того, что морфологические особенности венгерских говоров и диалектов имеют в значительной части фонетический характер, а сугубо морфологических различий сравнительно немного. Эти различия к тому же не достаточны, чтобы служить основой для типологизации, но вместе с фонетическими, фонологическими особенностями могут быть использованы и для этой цели. Автор учитывает односторонность и в известной степени противоречивость такой основы. Если принять это к сведению и результаты оценивать без стремления механически проецировать на иные уровни языка, вырисовывающаяся картина, несмотря на свой ограниченный характер, отражит часть языковой действительности, более того — по отношению к венгерским диалектам очень характерную часть (стр. 36).

Ш. Имре подчеркивает, что он сознательно говорит о диалектных типах, а не о диалектных территориях и ставит перед собой цель установить территорию ядра и ареал каждого диалектного типа, а не членить венгерские диалекты, так как диалекты — локализованные видоизменения национального языка, но границы отдельных территорий вообще довольно размыты, образуя часто широкие переходные полосы. Отдельные диалектные типы даже в своей «относительной чистоте» вообще находятся в стадии все усиливающегося распада.

Автор детально рассматривает весьма важный методический вопрос: можно ли сочетать синхронический и диахронический методы в одной работе? По его мнению, полное согласование этих аспектов исследования неосуществимо, ибо в таком случае материал рассматривается в разных аспектах и стремление объединить их неизбежно приведет к тому, что результативности обоих методов будет нанесен урон. Все это приводит автора к отрицанию полезности и необходимости слияния синхронного описания с диахроническим исследованием (стр. 43), к сомнению в возможности выработать метод, одновременно отвечающий обоим поставленным целям. Поэтому, заключает Ш. Имре, синхроническое описание и диахроническое исследование следует проводить рядом или, пожалуй, параллельно друг другу (стр. 43). Это утверждение нуждается в небольшом объяснении. Нам кажется, что в ряде случаев диалектическое сочетание этих методов плодотворно. Иногда полезно использовать один из них в качестве основного, другой — дополнительного, что дает исследователю возможность выбрать и применить наиболее целесообразное объяснение, привести дополнительную аргументацию. По этому пути в необходимых случаях идет и Ш. Имре.

В связи с тем, что в монографии основное внимание уделяется исследованию звукового состава, автор указывает, что им подробно рассматриваются следующие моменты: а) количество фонемных систем в современных венгерских говорах и их характер; б) нагрузка каждого члена фонемной системы; в) частота и реализация фонем, т. е. различные оттенки одной и той же фонемы. Следовательно, изыскания Ш. Имре в каждом исследуемом говоре распространяются, с одной стороны, на систему фонем, с другой — на звуковую структуру (в пределах исследуемого материала на абсолютную и относительную нагрузку каждого члена звуковой системы, особенно гласных), а также на фонемные формы (на реализационные видоизменения любого члена фонемной системы), т. е. на функционирование фонемной системы по форме и содержанию (стр. 45).

Автор с успехом обращается к сопоставительному методу. Основой сопоставле-

ния диалектных данных, по его мнению, является идеальный устный вариант литературного языка. Он подробно и, на наш взгляд, убедительно доказывает нецелесообразность выбора для сопоставления обиходного или письменного литературного языка. Отказ от сопоставлений с обиходным языком мотивируется тем, что его нормы пока мало изучены. Теоретически было бы неверно сопоставлять диалектные данные, которые по своей сущности и форме являются устными видоизменениями языка, с письменным видоизменением литературного языка.

В этой же главе автор объясняет, что интересующее его фонетическое явление рассматривается в следующих позициях: в первом (ударном) слоге, в непервых (безударных) слогах и в абсолютном конце слова. Им исследуются такие морфемы, которые распространены на всей языковой территории и только в области фонетической реализации между ними существуют различия географического характера, т. е. по словам автора, «в каждом исследуемом говоре каждая фонема и звукосочетание исследуются мною в одних и тех же морфемах» (стр. 53).

Важнейшая часть монографии («Современные венгерские диалекты») открывается главой «Исследование типов звуковой системы» (стр. 57—87). Весьма примечательно, что при выделении типов Ш. Имре учитывает не только фонемы, но и полифонемные звуки $\bar{a}$, $\bar{e}$ (реализация звукосочетаний al , el + согласный), поэтому вместо термина «система фонем» он применяет термин «система звуков». Большая заслуга Ш. Имре состоит в том, что он дает наиболее основательное и полное описание представленных в материале Nyatl. звуковых систем венгерских говоров. Весьма содержательна сводная таблица звуковых систем венгерских говоров. Из нее видно, что последние насчитывают 19 типов звуковых систем, а вместе с подтипами — 40, из них 5 типов и 12 подтипов распространены только в одном говоре (собственно, в отдельных языковых или диалектных островках) каждый. В исследованных венгерских говорах наиболее распространенными являются 9 типов и 10 подтипов систем звуков. Принципиальное значение имеет вывод автора об основной роли долгих гласных в дифференциации типов систем звуков

современных венгерских говоров. Примечательно также, что все данные рассматриваемой таблицы автор зафиксировал на лингвистической карте. Сравнение карты типов систем звуков с картой распространения венгерских диалектных типов убеждает в правильности утверждения, что те говоры, которые имеют полностью одинаковую звуковую систему, не обязательно относятся к одному диалектному типу.

Наиболее обширная глава монографии (151 стр.) посвящена детальному описанию частоты фонем в венгерских говорах. Ш. Имре, по нашему мнению, правильно установил, что частота любой фонемы в венгерских говорах определяется двумя факторами: звуковыми соответствиями (или противопоставлениями), которые (а) уменьшают и (б) увеличивают число морфем, содержащих фонему. Применение этого, более усовершенствованного метода в описании частоты фонем является большим достижением, ибо в венгерской диалектологической литературе до него учитывался, как правило, только второй фактор.

При исследовании, например, частоты фонемы *ú* выясняется, что выступающий в говорах гласный *ú* встречается не только на месте устно-литературного *ü* (*búza*, лит. *būza* 'пшеница'), но и на месте устно-лит. *ó* (*lú*, лит. *ló* 'лошадь'), *u* (*cúkor*, лит. *cukor* 'сахар'), *a* (*szomjús*, лит. *szomjas* 'испытывать жажду'), *i* (*t*) (*p'írút'os*, лит. *pírítós* 'поджаренный (о хлебе)'), *uj* (*j*) (*új*, лит. *ujj* 'палец'), *púka*, лит. *pujka* 'индюк'), *ol*, *oj* (*gondúkodik*, лит. *gondolkodik* 'размышлять'), *konkú*, лит. *konkoj* 'куколь (растение)') и [*á*] — [*v*]*al* (*lábbú*, лит. *lábbal* 'с ногой, ногами'). В то же время автор указывает, что в различных говорах на месте устно-лит. *ú* не всегда выступает этот же звук: он может заменяться, например, кратким гласным *u* (*buzá*, лит. *būza*), *ó* (*savanyó*, лит. *savanyú* 'кислый'), *o* (*nyújtó*, лит. *nyújtó* 'скалка'), *i* (*tík*, лит. *tyúk* 'курица'), *ü* (*hüsit*, лит. *husvét* 'пасхальные праздники'), *a* (*ganár*, лит. *gúnár* 'селезень'), *á* (*savanyán*, лит. *savanyún* 'кисло') и т. д. (стр. 96—97). Применение нового метода при описании фонем дает возможность установить реальный баланс частоты употребления их в венгерских говорах.

Очень поучительны выводы о частоте употребления каждой фонемы. Автор указывает не только на степень распространения рассматриваемой фонемы во всех венгерских говорах, но и на нагрузку определенной фонемы в процентном отношении. Специальные карты дают наглядное представление о частоте распространения ряда фонем (например, фонемы *u*, *ü*, *i*, *ó* и т. д.) в венгерских говорах — с учетом указанных выше двух факторов.

Во всех отношениях надежный и четкий анализ частоты гласных фонем свидетельствует о добросовестном и умелом подходе к анализу богатого материала. В главе свыше двухсот сопоставлений фонем, среди них есть и спорные. Вопросы, которые при этом возникают, могут быть, на наш взгляд, решены путем привлечения дополнительного языкового материала. Например, при рассмотрении частоты гласного *í* отмечается, что он может соответствовать и устно-литературному сочетанию звуков *ál*. В подтверждение приводится выступающее в говорах нижнего течения р. Иполь *szíkã* ~ *szika* как диалектное видоизменение устно-лит. *szálka* 'заноза' (стр. 126). Но если новые диалектные данные подтвердят, что *szíkã* ~ *szika* этимологически связано с тождественными по значению диал. *szikáncs* (Nyatl. II 273)¹, то указанное выше соответствие вряд ли верно.

Рассматривая частоту гласного *a*, автор между прочим делает весьма любопытное сопоставление устно-лит. *er* с диал. *a* и подкрепляет его данными из венгерских говоров восточной Словакии. Ср. в одних говорах *máltã* ~ (редко) *máltër* — в других: *máltã* 'malter; строительный, цементный раствор' (стр. 234). Звуковое соответствие остается здесь без объяснения, и читатель вправе подумать, что имеет дело с внутренним развитием звуков. Однако тут соответствие случайное, ибо венг. *malter* (~ *málter*) заимствовано из немецкого языка (ср. нем. *malter*, *mortel*, *morter*, *Mörtel* 'цементный, известняковый раствор'), а видоизменение *máltã* — вопреки указаниям TESz (II 831—833) —

¹ Ср. также старое видоизменение *szíkacs* 'щепка, лучина'; см. G. Szarvas, Zs. Simonyi, Magyar nyelvtörténeti szótár III, Budapest 1893, стр. 240.

заимствовано через словацкие говоры. Ср. словац. *malta* 'известка, цементный или известковый раствор' (A. V. Isačenko, Slovensko-ruský prekladový slovník I, Bratislava 1950, стр. 370). О словацком заимствовании говорит и ареал распространения *máltá*. Данный пример относится к тем случаям, которые нуждаются в историческом объяснении.

Автор в своей монографии изредка приводит в качестве иллюстративного материала, кроме простых (однокоренных) слов, и сложные. Нам кажется, что в данной главе привлечение сложных слов таит в себе известную опасность, ибо в таких случаях звуковые изменения регулируются отчасти разными закономерностями. Ср., например, *ifikor* 'в полночь' (= *i < éj* 'ночь' + *fi < fél* 'половина' + временной падеж *-kor*) и в одном и том же говоре *fél* 'половина' (стр. 121); *macskamiz* 'древесная смола' (= *macska* 'кошка' и *miz* 'мед'), но в том же говоре *miz* 'мед' (стр. 185). Надо сказать, что с подобными примерами автор обращается весьма осторожно, но, по нашему мнению, их было бы целесообразнее полностью избежать.

Много подводных рифов таят в себе те простые или сложные слова, которые в диалектах и говорах подверглись воздействию народной этимологии. В таких диалектных словах рассмотрение звуковых соответствий с устно-литературными, не подвергшимися влиянию народной этимологии, параллелями вряд ли правомерно, ибо изменения в диалекте носят не фонетический, а скорее лексический характер. Проиллюстрируем сказанное двумя примерами. Автор сопоставляет, например, устно-лит. *ö* в *kömény* 'тмин' с диал. *e* в его видоизменениях: *kemimäg*, *kemimtag*, *kemémmag*, *keménymäg* то же (стр. 224). Заимствованное, вероятно, из немецкого языка (TESz II 609) *kömény* (ср. восточноверхненем. *kümin* 'тмин') в венгерских говорах подверглось народной этимологизации, ассоциировавшись в сознании людей с *kemény* 'твердый', и во многих говорах оно стало употребляться в качестве определения к слову *mag* 'семя'. Как синтаксическое словосложение *keménymag* примкнуло к типу словосложений *fiatalember* 'неженатый молодой человек' ← *fiatal ember* 'молодой (по возрасту) человек', *kisasszony*

'барышня' ← *kis asszony* 'маленькая (по росту) женщина' и т. д. Следовательно, мы вправе считать, что здесь выступают два слова: с одной стороны, заимствование *kömény*, не имеющее в венгерском языке внутреннего смыслового содержания, и, с другой, словосложение с четким внутренним смысловым содержанием. Также проблематично, по нашему мнению, противопоставление устно-лит. *e* в слове *fésű* 'расческа' с диал. *e* в его видоизменении *fejsű* то же (стр. 105), так как появление согласного *j* в диал. *fejsű* говорит о народном переосмыслении «корня» слова, отождествлении его с *fej* 'голова'.

В главе «Согласные» (стр. 241—270) автор порывает с традицией описывать нагрузку всех согласных, представляя наиболее значительные из них. Например: устно-лит. *j* : диал. *ly ~ l ~ j* (*gója* : *gólya*, *góla*, *gója* 'аист'); *l* : *j* (*kislány* : *kisjány* 'девушка'); *t, d, l, n + i* (*ü, í, u*) : *ty, gy, ly, ny + i* (*ü, í, u*) (*estig, mosakodik, ribizli, kötni* : *estyig, mosakogyik, ribizlyi, kötnyi* 'до вечера, умываться, смородина, вязать'); *l, t, d, n* : *ly, ty, gy, ny* (*felhő, patkány, térd, csalán* : *fölyhő, potykány, térgy, csalány* 'облако, крыса, колено, крапива'); *ny, ty, gy* : *n, t, d* (*szivárvány, tyúk, gyűszű* : *szivárván, tik, dészű* 'радуга, курица, наперсток'); *l* : *n* (*hol* : *hon* 'где'); *l* : *r* (*gyeplű* : *gyöprű* 'вожжи'); *z* : *zs* (*csizma* : *csizsma* 'сапоги') и т. д.

В этой же главе рассматриваются выпадение начальных *h, j, v, m* (*hebeg* : *ebég* 'запинаться', *jérce* : *érce* 'молодая курица', *vőféj* : *őféj* 'шафер', *megverem* : *эгверем* 'я его набью'), появление неэтимологических *i, h* (*jég* : *ijég* 'лед', *vakond* : *vakhand* 'крот'), соответствия *v ~ j ~ h ~ l ~ Ø* (*kivül* : *küjél, kühül, külül, küöl* 'вовне', *csalán* : *csójány, csóvány, csóhány* 'крапива', *dió* или *dijó* : *dívó* 'орех'), выпадение слогозавершающего *l* (*alsó* : *ásó* 'нижний', *fél* : *fé* 'половина'), ассимиляция согласных (*ötven* : *ötfen, ödven* 'пятьдесят', *meghalt* : *mehhalt* 'скончался', *tarló* : *tarró, talló* 'стерня', *orsó* : *ossó* 'веретено'), метатеза, выпадение (и отпадение) согласных (*kanál* : *kalány* 'ложка', *kertbe* : *kerbe* 'в огород', причинно-целевой падеж *-ért* : *-ér*), удлинение, укорочение согласных (*rokon* : *rokkon* 'родственник', *röpül* : *röpüll* 'лететь', *cukorrépa* : *cukórépa* 'сахарная свекла'), устранение (и появление)

скопления согласных (*colstok : colostok, cóstok, calstrok* 'складной метр').

Такой отказ от описания всех согласных заслуживает одобрения и потому, что согласные, не имеющие противопоставления, не представляют интереса с точки зрения основной цели работы. Рассмотренные противопоставления, часть которых до сих пор была менее известна или совсем неизвестна в специальной литературе, интерпретированы автором убедительно.

В главе «Реализации вариантов фонем» (стр. 271—299) показано, что в венгерских говорах гласные имеют несравненно больше вариантов, нежели согласные. Например, фонема *á* имеет 13 вариантов, фонема *e* — 11, а фонема *ö* — 9. Интересно отметить, что в говоре Сакадат (Румыния) зафиксировано 8 вариантов фонемы *ö*.

Превосходно выполнены лингвикогеографические карты, посвященные распространению дифтонгов в венгерских говорах, вариантам фонем *á*, *e* и удлинению гласных под влиянием слогозавершающих *l*, *r*, *j*. Совершенно очевидно, что эта обстоятельная и интересная глава могла появиться только благодаря высокому качеству сбора диалектологического материала. Данные этой главы, мы убеждены в этом, могут быть привлечены для уточнения отдельных проблем частной и общей фонетики.

Невелика по объему глава «Морфологические вопросы» (стр. 301—327), что автор объясняет не только весьма слабой изученностью венгерской диалектной морфологии, но и ограниченностью такого рода материала в Nyatl. Эти объективные причины не позволили морфологические вопросы венгерских диалектов рассмотреть так же детально, как фонетические. Здесь исследуются главным образом именные и глагольные основы, притяжательное склонение существительных, в основном падежные окончания имен и личные окончания глаголов, а также некоторые словообразовательные суффиксы.

В последней главе «Основные типы современных венгерских диалектов» (стр. 329—374) Ш. Имре на основе фонетических критериев (система, нагрузка и варианты фонем), а также наиболее типичных морфологических особенностей определяет и кратко описывает следующие

типы современных венгерских диалектов: 1) северо-западно-задунайский, 2) залайский, 3) ёршигский, 4) хетишский, 5) северо-задунайский, 6) диалект окрестностей Балатона, 7) среднешомодьский, 8) южношомодьский, 9) севернобаранянский, 10) южнобаранянский, 11) диалект окрестностей Сегеда, 12) диалект окрестностей Бая, 13) кишкуншагский, 14) диалект окрестностей Сенца, 15) севернодунайский, 16) чаллокёзский и сигеткёзский, 17) среднепалоцкий, 18) диалект окрестностей Иполь, 19) северо-западнопалоцкий, 20) западнопалоцкий, 21) южнопалоцкий, 22) восточнопалоцкий, 23) диалект окрестностей Гернада, 24) диалект окрестностей Сиксо, 25) диалект окрестностей Эгера, 26) диалект окрестностей Будапешта, 27) хайду-бихарский, 28) среднезатисский, 29) сабольч-сатмарский, 30) абауйский *ö*-каущий диалект. К переходным диалектным образованиям автор относит говоры окрестностей Задьва—Тарна—Тиса и северо-восточные венгерские говоры. Материал Nyatl. позволил Ш. Имре определить также языковые и диалектные острова, главным из них (трем в Австрии, трем в Словакии и двум в Югославии) дана краткая характеристика. По указанному выше причинам автор не касается диалектной классификации венгерских говоров, находящихся в Румынии.

В последнем разделе главы Ш. Имре все диалектные типы объединяет в следующие диалектные общности: 1) западная, 2) северная, или палоцкая, 3) восточная, 4) южная, 5) мезёшгская и 6) сейкская. Диалектные общности прослеживаются и в приведенной в последней главе (стр. 375—376) диалектной лексике. В «Заключении» (стр. 377) Ш. Имре выражает уверенность, что его классификация лучше отражает современную диалектную действительность, нежели соответствующие работы И. Балаша (*J. Balassa, A magyar nyelvjáráások osztályozása és jellemzése, Budapest 1891*) или Дь. Лазичуса (*Gy. Lazicsius, A magyar nyelvjáráások, Budapest 1936*), хотя эта классификация в отдельных деталях среди специалистов может вызвать и споры.

Выход в свет монографии Ш. Имре — большое событие в венгерской диалектологии, ибо он фактически создал венгер-

скую синхронную диалектологию. Предложенная им классификация венгерских диалектов, независимо от спорных деталей, является на современном этапе наиболее полной и достоверной. Лингвогеографические карты, результат кропотливого труда, представляют интерес и за пределами венгерской диалектологии. Весьма ценны составленные автором статистические сводки, которые позволяют получить построенные на более реальной основе, чем до сих пор, обобщения, более

конкретную картину многих диалектных явлений. Монография Ш. Имре имеет, на наш взгляд, и большое практическое значение. В книге указан ряд важнейших проблем, комплексных вопросов венгерской диалектологии, которые предстоит решать. Книга предопределяет пути дальнейшего развития этой отрасли языкознания.

КАТАЛИН МОКАНЬ,
ШАНДОР МОКАНЬ (Ленинград)

С. В. Соколов, Названия птиц в удмуртском языке. Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук, Ижевск 1973.

14 декабря 1973 г. на Совете историко-филологического факультета Тартуского государственного университета состоялась защита диссертации аспирантом Удмуртского государственного университета им. 50-летия СССР Серафимом Васильевичем Соколовым на тему «Названия птиц в удмуртском языке». Официальными оппонентами свою оценку работе дали доктор филологических наук П. Алвре (Тарту) и кандидат филологических наук доцент Л. И. Калинин (Ижевск).

Изучению названий птиц, как и целому ряду других тематических разделов лексики, до сих пор в финно-угорских языках уделялось сравнительно мало внимания. В известной степени заполняют этот пробел и намечают пути дальнейшего исследования два появившихся в последнее время научных труда — кандидатская работа А.-Р. Хаузенберг «Названия животных в коми языке» (Таллин 1972) и исследование М. Мягера о названиях птиц в эстонском языке (*Eesti linnunimetus*, Tallinn 1967).

Не вызывает сомнения, что тема работы С. В. Соколова актуальна как для изучения удмуртского языка, так и для финно-угроведения в целом. Чем быстрее и основательнее мы сможем изучить лексику флоры и фауны отдельных финно-угорских языков, тем яснее будет наше представление о предполагаемой прародине финно-угорских (*resp.* уральских) народов, а также о их позднейших контактах с представителями других языковых семей. Разрешению этих важных во-

просов, в частности с позиции пермских языков, несомненно, будет способствовать работа С. В. Соколова, руководителем которой является видный специалист по пермским языкам доктор филологических наук профессор В. И. Лыткин.

С названиями птиц в удмуртском языке до последнего времени можно было познакомиться по разбросанным в отдельных трудах, словарях, текстах отрывочным сведениям. С. В. Соколов впервые собрал все данные по этой теме, систематизировал их и дополнил диалектными материалами. По словам автора диссертации, основной целью исследования был «сбор, идентификация и классификация орнитонимов, дать наиболее подробное описание их: уточнить, детализировать ранее установленные этимологии, выяснить происхождение тех названий, которые еще этимологическому анализу не подвергались, определить основные принципы номинации и факторы, влияющие на систему названий птиц» (стр. 6—7). Несколько забегаая вперед, отметим, что на все поставленные вопросы, по мнению рецензента, в диссертации даны вполне удовлетворительные ответы.

Успешному изучению проблемы способствовало, несомненно, и то обстоятельство, что автор работы прекрасно разбирается в лексическом материале своего родного языка, свободно ориентируется в нем и учитывает мельчайшие тонкости и детали диалектного своеобразия — исследователю другой национальности труднее заметить и учесть эти детали. В ра-